

Цзи Юй аккуратно сложила только что полученные два листа с заданиями, вложила их в учебник и начала исправлять предыдущие работы.

Вскоре прозвенел звонок на перемену.

Дежурные начали убирать класс.

Сегодня, в последний раз вытирая доску, Цянь Вэньэнь снова использовал свой метод и быстро очистил её.

Он взял швабру и собирался пойти мыть её, но, сделав пару шагов, остановился, подумав: если для очистки тряпки достаточно просто стряхнуть пыль, то почему бы не сделать то же самое с шваброй?

Сказано — сделано. Он поднял швабру и начал стучать ею о перила коридора.

В воздух поднялось облако белой пыли, которое начало оседать вниз.

Метод оказался эффективным, и Цянь Вэньэнь, довольный, продолжал стучать шваброй. Пыли становилось всё меньше, и тряпка на швабре заметно очищалась.

Но, видимо, он перестарался, и при очередном ударе тряпка оторвалась от ручки и упала вниз.

Он замер, держа в руках только деревянную палку.

Он выглянул через перила и увидел, что тряпка упала на кого-то. К счастью, их класс находился не на высоком этаже.

Цянь Вэньэнь, растерянно, крикнул вниз:

— Всё в порядке?

Этот «сын помещика» сразу же начал жаловаться:

— Почему ты не отошёл? Если бы это был вазон, ты бы сейчас лежал с пробитой головой!

— Выбрось её обратно.

— На второй этаж, ты сможешь?

Он закончил свою тираду и увидел, как «жертва» медленно повернулась, сняла с головы тряпку и показала своё лицо.

Его волосы, лицо и очки были покрыты слоем меловой пыли.

Его голос был холоднее льда:

— Из какого ты класса?

— Как тебя зовут?

Цянь Вэньэнь, испугавшись, узнал в нём строгого заведующего учебной частью.

Он поспешно вернулся в класс, схватил рюкзак и бросился бежать.

На лестнице он столкнулся с заведующим, который уже шёл за ним. Это было вдвойне хуже.

В учительской Цзи Юй сдала исправленные работы и услышала, как Сюй Жуньюй говорила учителю английского:

— Хорошо, я принесу до шести сорока.

— Хорошо, иди.

Они почти одновременно вышли из кабинета, проходя мимо друг друга.

Сюй Жуньюй шла чуть быстрее, не взглянув на неё.

В коридоре, возвращаясь в класс.

Цзи Юй шла за ней, медленно, смотря на её спину и с лёгким чувством вины трогая нос.

Она говорила о ней за спиной, это было неправильно.

Гу Хуэйи внезапно выскочила, оглядываясь в поисках Цзи Юй, с лицом, полным смеха и желания поделиться.

— Цзи Юй! Ты здесь!

— Я тебе расскажу, я тебе расскажу! Ха-ха-ха, ты знаешь, этот дурак Цянь Вэньэнь шваброй, полной меловой пыли, ударил заведующего!..

Цянь Вэньэнь, сгорбившись, писал объяснительную, мучительно размышляя, как набрать полторы тысячи иероглифов.

Заведующий строго предупредил, что нельзя копировать из интернета.

Он сказал, что будет проверять каждое предложение через поисковые системы, и если обнаружит плагиат, то объём увеличится до пятнадцати тысяч иероглифов.

Цянь Вэньэнь не верил, что он настолько строг, но рисковать не хотел.

У него просто не хватало слов, и он писал одно и то же: «Извините, я ошибся», «Учитель, я ошибся», повторяя это снова и снова.

Внезапно чья-то рука взяла лист с его объяснительной.

Цянь Вэньэнь, раздражённо, поднял голову:

— Что?

Увидев, что это Цзи Юй, он смягчил тон:

— ... Я пишу объяснительную.

Цзи Юй, взглянув на лист, посмотрела на Сюй Жуньюй и, улыбнувшись, сказала:

— Иди играй, я напишу за тебя.

— Ты напишешь за меня?

— Да, я напишу, полторы тысячи иероглифов, без копирования из интернета, верно?

— Ты правда напишешь за меня?? Сестра Цзи, ты моя вторая мать!

— Ты правда напишешь за меня...

— Да, — Цзи Юй нетерпеливо сказала. — Иди быстрее.

Цянь Вэньэнь, чуть не плача от благодарности, сложил руки и поклонился ей три раза:

— Амиитофо.

— Добрые люди получают добро, добрые люди получают добро, добрые люди получают добро.

Цзи Юй, подёргивая веко, с улыбкой сказала:

— Проваливай, иди уже.

Цянь Вэньэнь, кивая и благодаря, быстро схватил рюкзак и ушёл.

Цзи Юй села на его место.

Взглянув на начало объяснительной, она взяла ручку и продолжила писать.

Она писала быстро, не задумываясь, просто набирая нужное количество иероглифов.

Справа Сюй Жуньюй тоже что-то писала.

Они занимались своими делами, последние дежурные закончили уборку и ушли, класс окончательно опустел.

В классе остались только они двое.

Никто не разговаривал, только лёгкий звук ручки, скользящей по бумаге.

Свет, проникающий через окно, становился гуще, тень от занавески лежала неподвижно на полу.

Цзи Юй, подражая небрежному почерку Цянь Вэньэня, писала с большой скоростью, за десять минут набрав уже несколько сотен иероглифов.

Через некоторое время она, будто размышляя над объяснительной, тихо сказала:

— Причина, по которой я совершил эту ошибку, заключается в моём низком моральном уровне. С этого дня я буду работать над своим воспитанием.

— Я глубоко осознал свою ошибку.

— Надеюсь, вы простите меня.

Последнюю фразу она произнесла, повернувшись к Сюй Жуньюй и глядя на неё.

Сюй Жуньюй не прекратила писать.

Казалось, она слегка улыбнулась, а может, и нет, через мгновение она слегка надула губы, но не обратила на это внимания.

Её длинные ресницы опустились, она продолжала писать с серьёзным видом.

Цзи Юй, увидев её невозмутимость, поняла, что она, скорее всего, уже не сердится.

Она расслабилась.

Подперев подбородок рукой, она смотрела на её нежное и красивое лицо и с улыбкой сказала:

— Я же не сказала, что ты не милая.

— Не сердись, ладно?

— Хорошо?

Заметив на её столе разобранную ручку, Цзи Юй взяла её:

— Ручка сломалась?

Она была мастером в таких вещах, за несколько движений починила ручку и, вернув её, улыбнулась.

Сюй Жуньюй посмотрела на ручку:

— Я сама её разобрала для развлечения.

Цзи Юй кивнула, снова взяла ручку и разобрала её.

Затем вернула всё на место.

Сюй Жуньюй, увидев это, улыбнулась.

Продолжая писать, она сказала:

— Кто тут сердится?

— Не знаю, — Цзи Юй сделала вид, что не понимает. — Наверное, кто-то очень милый.

— Наверное?

Сюй Жуньюй, вспомнив её оценку «притворяется милой», посмотрела на неё:

— Что заставляет тебя сомневаться?

— Внешность? Характер? Поведение?

— Или, может, небрежный стиль одежды?

— Что?

Цзи Юй серьёзно сказала:

— Главное, он, наверное, хочет быть строгим и беспристрастным.

— Поэтому можно сказать, что он, наверное, милый.

— ... О ком ты говоришь?

Цзи Юй закончила писать объяснительную.

Подняв лист, она улыбнулась:

— О Чжэн Вэйсы.

Чжэн Вэйсы — имя заведующего учебной частью.

Сюй Жуньюй слегка изменилась в лице, сжала губы и продолжила писать молча.

Цзи Юй, улыбнувшись, сдержала смех, но в конце концов не удержалась и засмеялась.

Когда она дразнила, она становилась похожа на маленькую девочку.

Очень милой.

На следующий день.

Цзи Юй принесла Сюй Жуньюй завтрак — яичный блин, купленный у уличного ларька, и маленькую коробку молока со вкусом клубники.

Школьная столовая не отличалась разнообразием, но с семи до восьми утра открывались только главные ворота, и охрана пропускала только уходящих, поэтому возможность купить завтрак вне школы была только у тех, кто жил в городе. Ларьки с яичными блинами всегда пользовались популярностью.

Она вошла в класс и положила пакет на парту Сюй Жуньюй.

Те, кто пришёл раньше и увидел это, замерли.

Сюй Жуньюй тоже удивилась, не сразу поняв, что происходит.

— Это тебе.

Цзи Юй спокойно произнесла это и вернулась на своё место.

— ... Спасибо.

Она поблагодарила с небольшой задержкой.

<http://bllate.org/book/15569/1385872>